

20 АПР 41

20 АПРЕЛЯ 1941 ГОДА № 93 (5801)

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

Ранний Маяковский о Чехове

В литературном музее им. Чехова есть альбом — «Печать об А. П. Чехове к 10-летию со дня его смерти».

Как тогда печать оценивала Чехова, можно судить уже по названиям статей, посвященных памяти Антона Павловича. Так, большая газета «Ревельский вестник» помещает подвальной статью памяти Чехова под заглавием «Певец «Вишневого сада». В московской газете опубликована статья о Чехове «Поэт хмурых людей». «Оренбургская газета» печатает статью «Певец сумерек». Ялтинская газета «Вестник Юга» в статье, посвященной памяти Чехова, писала так: «Чехов по существу — поэт немногих. От Чехова уйдет масса, останутся немногие поклонники Чехова, ибо всегда будут одинокие тоскующие души, влюбленные в сумерки».

И вот против таких «ценителей» Чехова, против пезадатчивых буржуазных критиков, толковавших Чехова, как «певца сумерек» выступает молодой, мало кому известный еще тогда Владимир Маяковский.

Маяковский выступает в защиту Чехова-писателя.

В журнале «Новая жизнь» за июнь 1914 года появляется статья Маяковского «Два Чехова». Двадцатилетний Маяковский начинает статью словами.

«Конечно, обидится, если скажу: «Вы не знаете Чехова».

Да, дореволюционная критика не знала Чехова, да и не могла его познать. В этом Маяковский был прав.

Далее Владимир Владимирович пишет:

«Антон Павлович Чехов, о котором говорю я, — писатель. Мне хочется приветствовать его достойно, как одного из династии «короткой слова». Чуть ли не на протяжении ста лет писатели, связанные одинаково жизнью, говорили одинаковым словом. Понятие о красоте остановилось в росте, оторвалось от жизни и объявило себя вечным и бессмертным. И вот слово

— потерянная фотография богатой и тихой усадьбы. А за опрадой маленькая лавочка выросла в нестрый и крикливый базар. В спокойную жизнь усадеб ворвалась разноголосая чеховская толпа адвокатов, акцизных, приказчиков, дам с собачками. Старая красота затрещала, как корсет на десятипудровой поповне. Под стук топоров по вишневым садам распродали с аукциона вместе с gobеленами, с красной мебелью в стиле полторы дюжины людовиков, и гардероб изношенных слов. И вот Чехов внес в литературу грубые имена грубых вещей, дав возможность словесному выражению «торгующей России». Первый, потребовавший для каждого шага жизни свое словесное выражение. Язык Чехова определен, как «здравствуйте», прост, как «дайте стакан чаю». В способе же выражения мысли сжатого маленького рассказа уже пробивается спешащий крик тоскующего. «Экономия». Вот эти-то новые формы выражения мысли, этот-то новый подход к настоящим задачам искусства дают право говорить о Чехове, как о мастере слова».

В этой статье Маяковского есть ряд ошибочных положений. Конечно, нельзя согласиться с утверждением Маяковского, что произведения Чехова — это разрешение только словесных задач. Но не нужно забывать, что перед нами 20-летний Маяковский, что пишет он в 1914 году, когда только формировался его талант, причем формировался молодой Маяковский в борьбе со старыми канонами, старыми традициями в литературе, за новые формы в искусстве, за новое искусство, понятное широким массам.

Тут важно и интересно другое. Важно то, что начинающий поэт, новатор в искусстве, правильно оценил Чехова, как мастера слова, как художника большого масштаба, как мастера короткого рассказа. Маяковский увидел в Чехове то, чего не видела в нем буржуазная критика.

А. БАРОН.